

УДК / UDC 130.2

Зеркало (анти)утопии

О. Р. Демидова

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. На протяжении всей своей истории человечество осциллирует между утопией и антиутопией, обусловленными природой человеческого сознания и в силу этого зеркально отражающими и взаимно определяющими друг друга. Утопия неизбежно вызывает к жизни антиутопию; причины этого кроются как в стремлении человеческого сознания к изменению окружающей природной и социокультурной действительности, так и в неумении человека ограничить себя в этом стремлении. Совокупность этих причин способствует неразрывности пары «утопия – антиутопия» и задает позитивный и негативный аксиологический и прогностический потенциал обеих.

Материалы и методы. Статья основана на классических утопических и антиутопических текстах, как философских, так и художественных, а также на философских и публицистических текстах, посвященных анализу актуальной действительности; хронологические рамки корпуса выбранных для анализа материалов – от античности до первой декады двадцать первого столетия. Междисциплинарная методология предпринятого исследования основана на сравнительно-историческом, феноменологическом, герменевтическом подходах и семиотическом анализе.

Результаты исследования. В статье в процедурах сравнительно-исторического, феноменологического и герменевтического подходов анализируются феномены утопии и антиутопии, рассматриваемые в полной парадигме присущих/приписываемых им смыслов: (1) жанра художественной и публицистической прозы (литературная утопия), (2) способа видения мира (философская утопия) и (3) способа организации жизни (социальная утопия) в первом случае и прозаического жанра – во втором. По мнению автора, указанные феномены не образуют непримиримой оппозиции; напротив, статья основана на признании амбивалентности природы каждого из них и заложенной в каждом способности заимствовать черты другого в процессе становления и развития, эксплицируя присущий обоим позитивный и негативный потенциал, как сущностный, так и прогностический. Причины этого кроются в свойственном человеческому сознанию стремлении изменять окружающую действительность, не довольствуясь наличной данностью, т. е., создавать «иную» реальность, с одной стороны, и в неспособности ограничить себя в этом стремлении, с другой. Иными словами, – в ограниченности свободного творческого акта несовершенством человеческой природы.

Выводы. Детально реконструируя генезис и эволюцию утопии и антиутопии, автор приходит к выводу о размываемости границ между ними как принципиальной возможности, что привело к их парадоксальному взаимозамещению в сознании современного человека. Границы между утопией и антиутопией не являются жесткими – напротив, происходит их размывание, что находит отражение в жизненной практике сообщества.

Ключевые слова: (анти)утопия, жанр, идеал, рай, возможность, человек, разум, антропологический, иная реальность, потенциал.

Для цитирования: Демидова О. Р. Зеркало (анти)утопии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 94–104.

The Mirror of (Anti-)Utopia

Olga R. Demidova

*Pushkin Leningrad State University
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. In the course of its history, the humanity has been oscillating between utopia and anti-utopia, serving as mirror(s) for each other and thus conditioning each other, utopia bringing anti-utopia to life. This is caused by striving to a better natural and socio-cultural reality as one of basic characteristics of (the) human consciousness as well as by the humans' inability to restrict themselves in this striving. Taken together, the said causes condition the indivisibility of the "utopia – anti-utopia" duality as well as the positive and negative axiological and prognostic potential of the both.

Materials and methods. The paper is based on the classical utopian and anti-utopian philosophical and fictional texts as well as on the modern philosophical scholarship and publicistic writings on the actual reality, the chronological frame of the said body embracing the period from the Antiquity to the 2010s. The interdisciplinary methodology of the paper relies on the comparative historical method, phenomenological and hermeneutic approaches, and semiotic analysis.

Results. The paper based on the comparative, phenomenological, and hermeneutic approaches deals with the phenomena of utopia and anti-utopia treated in the complete paradigm of their essential and/or ascribed characteristics – (1) those of the fiction and publicism (literary utopia), (2) world perception and outlook (philosophical utopia), (3) social organization (social utopia) in the former case; as fiction and publicism, in the latter. The author believes that the two do not form a rigid opposition – rather, the nature of each of them is ambivalent enough to «adopt» the qualities of the other in the process of their evolution thus making obvious their positive and negative potential, both essential and prognostic. The reason of this is the nature of human consciousness, striving to change the actual reality, not content with it and willing to construct some «other» one, on the one hand, as well as on its inability to restrict itself in this ambition, on the other. One could say that the imperfect human nature restricts creative freedom.

Conclusions. After detailed reconstruction of the genesis and the evolution of utopia and anti-utopia, the author argues that the borderline between them is not impenetrable, which possibility has resulted in their paradoxical mutual substitution in modern human consciousness reflected in essen-

tial every-day life practices of global society. The borderline between utopia and anti-utopia is not rigid – on the contrary it's rather blurred; as the result, utopia and anti-utopia strive for mutual substitution, the said fact being reflected in actual life.

Key words: (anti-)utopia, genre, the ideal, possibility, (the) man, reason, anthropological, another reality, potential.

For citation: Demidova, O. R. (2020). Zerkalo (anti)utopii [The Mirror of (Anti-)Utopia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 94–104. (In Russian).

Введение

На протяжении всей своей истории человечество осциллирует между мечтой и действительностью, желаемым и возможным, имеющимся и тем, что полагается как должное, переходя от нередко наивной «сборки» идеала к безжалостной его деконструкции и обратно. Инструментами того и другого неизменно становятся две «сестры», именами которых принято обозначать два вызванных к жизни этими поисками культурных феномена: старшая – *утопия* и младшая, ее зеркальное отражение – *антиутопия*. Будучи обусловлены природой человеческого сознания, склонного, отталкиваясь от несовершенного наличного бытия, лелеять романтическую мечту о воссоздании на земле утраченного рая, обе они сущностно взаимно определяют друг друга, поскольку основания для одной заложены в другой.

Поскольку «Рай все время надо создавать заново <...> он скрыт под видимостью вещей», а «в каждой вещи заключена, в вероятности своей, подлинная, гармоничная ее сущность» [3, с. 34], человечество, устремляясь мыслью к былому идеалу, деятельно стремится его вернуть, разочаровывается в результате своих действий вплоть до полного его неприятия и развенчания, создает новый идеал и последовательно устремляется к нему, чтобы впоследствии, отчаявшись, подвергнуть и его развенчанию («Память о потерянном Рае исполнит отчаяния восторги твои» [3, с. 33]).

Иными словами, утопия закономерно и неизбежно вызывает к жизни антиутопию. Причины этого кроются, с одной стороны, в стремлении человеческого сознания к изменению, совершенствованию окружающей природной и социокультурной действительности, то есть, к свободному проявлению творческой воли, к независимому индивидуальному акту творчества. С другой стороны, – в неумении человека ограничить себя в этом стремлении, сообразуясь с собственными возможностями, с несовершенством своей природы, с сопротивлением подлежащего усовершенствованию материала, «ибо ошибка, та, из-за

которой снова и снова бывает потерян Рай, всегда в одном: в человеке, что думает о себе в тот миг, когда упорядочен смысл Страстей, в горделивом статисте, не подчинившемся общему порядку» [3, с. 35].

Совокупность этих причин не только способствует неразрывности пары «утопия – антиутопия», но и задает позитивный и негативный аксиологический и прогностический потенциал обеих: если утопия эксплицирует самые сокровенные надежды человека на лучшее будущее (во многих случаях обретаемое в опыте прошлого), то антиутопия, в силу присущей ей энергии критической рефлексии и деконструкции настоящего, служит предупреждением человечеству¹.

Обзор литературы

Принято считать [4; 5; 13; 14], что жанр утопии возник значительно раньше жанра антиутопии, явившейся в мир как пародия на утопию с началом промышленной революции и достигшей своего расцвета после Первой мировой войны: если вести отсчет от платоновского «Государства» (360 г. до н. э.) – почти на два тысячелетия, если от «Утопии» Томаса Мора (1516 г.) – на четыре века, если от «Паломничества» Сэмюэла Перчеса (1613 г.), в котором термин «утопия» впервые употребляется в значении «модель идеального общества», – на три века.

В западной гуманитаристике российскому термину «антиутопия» соответствует термин «dystopia», буквально – «плохое место», впервые употребленный в этом значении Дж. С. Миллем в речи, произнесенной в 1868 г. в Палате общин британского парламента и посвященной земельной политике правительства Ирландии; в некоторых исследованиях понятия разграничиваются: антиутопия трактуется как миф о рае будущего, не допускающем никаких проявлений индивидуализма и в силу этого ограничивающем свободу личности; дистопия – как ад современности, который в будущем достигнет высшей точки своего негативного потенциала [11; 15; 16; 17; 18; 19; 21].

Вместе с тем, «Левиафан» Т. Гоббса (1651 г., полное название: «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского») справедливо причисляется к одной из первых политических антиутопий.

---

¹ В современном англоязычном литературоведении первым предупреждением подобного рода принято считать повесть М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818 г.), которую классик английской научной фантастики Б. Олдисс назвал первым научно-фантастическим произведением в мировой литературе; в XIX–XX вв. повесть традиционно относили к жанру готического романа (романа ужасов).

А «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта (1726 г., полное название – «Путешествия в некоторые отдаленные страны в четырех частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей») были написаны как пародия на «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона (1627 г.), и роману, представляющему собой безжалостную сатиру на современное Свифту английское общество, присущи все типические черты антиутопии [9]. Особенно очевидно это в последней, четвертой его части, действие которой происходит в стране гуингмов. Финал тетралогии – не только сатира на общественное устройство и нравы Англии эпохи промышленного переворота, но и деконструкция главного смыслообразующего концепта эпохи Просвещения – человеческого разума и, шире, человеческой природы как таковой: высоко разумные и высоко нравственные лошади оказываются на высшей ступени социальной иерархии, низшую ступень которой занимают вновь впавшие в состояние дикости (а, возможно, и никогда не выходившие из него) люди-йеху. То есть, разумная Природа одерживает верх над неразумным человеком; примечательно, что для этого, в отличие от перегруженных различной машинерией и спецэффектами антиутопий XX–XXI вв., ей не понадобилось никаких высоких технологий – достаточно было предоставить человека самому себе, дать ему возможность идти по предначертанному судьбой пути «назад в прошлое». Предложенный Свифтом вариант развития событий вполне допустимо воспринимать как одну из первых попыток предостеречь человечество, предупредить «человека разумного» о грозящей ему опасности – к сожалению, голос автора оказался гласом вопиющего в пустыне.

Размышляя о социальных утопиях, Н. А. Бердяев утверждал, что они основаны на «упрощении и искусственной изоляции», более того, что утопия всегда тоталитарна, а сам социальный утопизм «есть вера в возможность окончательной и безостановочной рационализации общественности, независимо от того, рационализована ли природа и установлен ли космический лад» [1, с. 158] (показательно название главы, в которой разворачивается это рассуждение, – «Трагедия человеческого существования и утопия. Сфера мистики»).

В связи с этим весьма примечательно рассуждение А. Жида о рае как об архетипическом концепте, лежащем в основании любой утопии: поскольку «все замерло в неподвижности, ибо ничего лучшего желать не оставалось», а рай, «недоступный времени», «не знал становления – он просто существовал от века», возникает искушение допустить, что он существовал «только как Идея» [3, с. 31, 36].

Материалы и методы

Предметной областью исследования в данной статье являются классические утопические и антиутопические тексты, как философские, так и художественные, а также философские и публицистические тексты, посвященные анализу актуальной действительности; хронологические рамки корпуса выбранных для анализа материалов – от античности до первой декады двадцать первого столетия.

Междисциплинарная методология предпринятого исследования основана на сравнительно-историческом, феноменологическом, герменевтическом подходах и семиотическом анализе.

Результаты исследования

Как в утопии, так и в антиутопии конструируется некая «вторая/иная» реальность. На первый взгляд, утопический и антиутопический варианты этой реальности существенно отличаются друг от друга. Первый (утопический) основан на принципе разумности, причем вера автора в безупречность предложенной модели абсолютна. Однако позитивный по своей сути принцип приводит к негативному результату: утопическое общество, в котором царит добровольное единомыслие, бесконфликтно, статично, замкнуто в самом себе и отделено от внешнего мира. Оно абсолютно лишено динамического потенциала, поскольку являет собой конечную точку, предел предшествующего развития, полную исчерпанность потенциальной возможности. Иными словами, оно мертво. Утопия – это всегда бегство от реальности (подробнее, с многочисленными примерами из классической и современной литературы, см.: [4]), и в силу этого она и основанное на ее модели общество изначально обречены.

В свою очередь, общество антиутопическое, в котором царит насильственно насаждаемое единомыслие, поскольку его модель, по замыслу автора, основана на авторитарной власти и потому безнравственна и в силу этого подлежит резкой критике, – чревато конфликтом, взрывом, загнанной глубоко внутрь и подавляемой извне динамикой, что, казалось бы, оставляет некоторую надежду на «свет в конце тоннеля», однако эта динамика не созидательная, а разрушительная, то есть, ведущая в никуда.

В результате, как утопия, так и антиутопия, являясь обратными сторонами своей противоположности, видят друг в друге лишь зеркальное отражение заключенного в каждой потенциала не-возможности, скрытого за потенциалом кажущейся, поскольку желаемой и напряженно искомой, возможности.

И совершенно не случайно антиутопия как литературный жанр, первоначально направленный на критику социального устройства, со временем обращается к критике самой утопии [5; 11; 13; 21]. Равным образом не случайно и то, что утопия неизменно словно делает уступку реальности [18; 20], в той или иной мере позитивно или негативно сочетая в себе как идеальную проекцию в будущее или прошлое, так и совершенно реальные и далеко не самые достойные черты настоящего. «Государство» Платона, например, сконструировано по образу и подобию греческих городов и Спарты, но за вычетом присущих им недостатков (всеобщей коррупции, угрозы восстания рабов, демографических проблем) [8], не являющихся ни для кого секретом и в силу этого образующих понятный каждому реальный фоновый контекст, оказывающий значительное воздействие на восприятие предложенной автором «положительной программы». В «Утопии» Томаса Мора, напротив, сохранены рудименты несовершенного социального устройства современного автору мира: в «месте-которого-нет» существуют имущественное неравенство, преступники, институт рабства и прочие пережитки несовершенного мира настоящего [7].

Немаловажно при этом, что свойственная антиутопии способность к негативной рефлексии заложена уже в характерной для утопии способности проецировать будущее. Так, созданный на основании жизненной истории реального человека герой знаменитого романа Д. Дефо¹, протагонист одной из классических утопий Нового времени², как будто сумевший осуществить свой сугубо индивидуалистический проект³ возврата к лучшим временам, увидев после пятнадцати прожитых в своем личном Эдеме лет след человеческой ноги на песке, впадает в необъяснимую панику и едва не утрачивает разум от охватившего его экзистенциального ужаса перед возможными последствиями вторжения другого человека в его с таким трудом выстроенный утопический универсум. Чтобы защититься от воображаемого врага, герой преобразует свой

---

¹ Роман вышел в свет в Лондоне в 1719 г. под названием, призванным удостоверить аутентичность событий и автобиографичность текста, т. е., его достоверность: «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанная им самим» (курсив мой – О.Д.).

² Известно, что некоторые современники Д. Дефо утверждали, будто бы он задумал роман как «некую утопию, как элемент пропаганды, восхваляющий религиозные свободы и экономические возможности английских колоний в Новом Свете» [10, с. 52].

³ Ср.: «"Робинзон Крузо" – великий ранний памятник радикального индивидуализма и психического выживания обычного человека в глубокой изоляции» [10, с. 35].

остров-сад в крепость, т. е., деконструирует его, превращая в противоположность собственноручно сотворенному на земле раю. Весьма показательны, что на тот реальный мир, из которого он волею судьбы оказался исторгнут, герой смотрит «такими глазами, какими, вероятно, мы смотрим на него с того света» [2, с. 210], т. е., из того Рая, откуда когда-то были изгнаны Адам и Ева.

Утопия и антиутопия представляют собой два различных типа предвидения как способа ухода от настоящего, отрицания, «снятия» его. Утопия есть идеализация прошлого и/или будущего, призывающая назад к Золотому веку или вперед к его возрождению. Антиутопия – пародия на настоящее, пародия нелицеприятная, открытая, порой доходящая до явного гротеска, до откровенного «обнажения приема». Однако, обнажая прием, антиутопия вместе с тем проявляет истинную сущность изображаемого, являя «городу и миру» его вывернутый наизнанку «зеркальный» образ. Как утверждал Г. Грин, хорошее от плохого отличить совсем не просто¹. И лишь от «города и мира» зависит, каким предстанет перед ними это зазеркалье.

Выводы

В истории гуманитарной мысли принято считать, что термин «утопия» имеет тройную феноменологическую и смысловую природу [12; 17; 18; 20; 21]: как литературный жанр, как способ видения мира и как способ организации жизни в соответствии с этим видением. Антиутопию традиционно рассматривают только как жанр художественной и/или публицистической прозы [14; 15; 16].

Представляется, однако, что к концу прошлого столетия терминологические и жанровые границы становятся все более размытыми, как и границы между философской мыслью, искусством и жизнью. Мы живем в мире антиутопии, в значительной мере «предвосхищенном» философами, писателями и художниками прошлого, сконструированном по предложенным ими моделям. При этом значительное большинство современных людей воспринимает эту антиутопию как благо, т. е., как ее утопическую противоположность².

Один из лучших писателей-философов нашего времени Дж. Франзен в своей речи на церемонии вручения дипломов в Кенъон-колледже³, названной им «Боль – это не смертельно» (май 2011 г.), размышляя о состоянии сознания современного человека, живущего в техногенном мире тотального потребле-

¹ Об этом тезисе подробнее см.: [6, с. 10–14].

² Термин «утопия» возможно толковать двояко: как «место, которого нет, не-место» (οὐ – «нет», τόπος – «место») и как «благое место» (οὐ – «благо», τόπος – «место»).

³ Кенъон-колледж – один из лучших американских частных колледжей гуманитарной направленности, основанный в 1824 г.

ния¹, утверждает: «Нам нравится зеркало, а зеркалу нравимся мы» [12, с. 20]. Зеркало в данном случае – те бесчисленные гаджеты и прочие «статусные» товары и идеи массового спроса, которые бездумно потребляет современный человек, чтобы с их помощью создавать для себя и для окружающих единый образ «человека двадцать первого столетия», соответствующий аксиологическим, социальным и нравственным установкам глобального мира-антиутопии, где глагол «нравиться» вытеснил глагол «любить», а знание оказалось замещенным информацией.

Видя себя в зеркале камеры мобильного телефона и общественного мнения формируемого, социальными сетями блогами, современный Нарцисс, как и его мифологический предшественник, проникается неизъяснимым чувством к своему неверному отражению².

Обуреваемый «гордыней наоборот», потомок «горделивого статиста» (по Андре Жиду), сделавшийся добровольным заложником виртуального мира, в бесчисленных проекциях самого себя на экранах высоко технологичных устройств самого разного рода словно ищет подтверждения собственной значимости и реальности своего существования. Стирая грань между действительным и воображаемым (желаемым), между приватным и публичным, между истинным и ложным, он противопоставляет подлинности бытия человека разумного и (со)чувствующего миф о «новой нормальности» эпохи глобализации с ее установкой на тотальный аморализм.

В своем неукротимом стремлении не отстать от времени с его сменяющимися друг друга «трендами» человек потребляющий добровольно воспроизводит бесконечную череду симулякров – проекций самого себя, потребляя которые, он оказывается полностью в их власти, незаметно и нечувствительно для себя превращаясь в очередной симулякр. Разорвать этот замкнутый круг удастся лишь после того, как в мир вернуться вытесненные из него Любовь и Разум и вновь займут в нем подобающее им место.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
2. Дефо Д. Робинзон Крузо. – Л.; М.: Academia, 1935. – Т. 1–2. – 775 с.
3. Жид А. Трактат о Нарциссе (Теория символа) / пер. с фр. // Жид А. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 1. – ТЕРРА–Книжный клуб, 2002. – С. 27–38.

¹ «Темы, которые я намерен затронуть, – это любовь, ее роль в моей жизни и тот странный технокапиталистический мир, что вы наследуете» [10, с. 15].

² Ср.: «А Нарцисс пока созерцает с берега видение, явившееся ему и преображенное любовным влечением; он грезит. Одинокий и ребячливый, Нарцисс влюбляется в неверное свое отражение» [3, с. 38].

4. Зверев А. М. «Когда пробьет последний час...» (Антиутопия. XX век) // Вопросы литературы. – 1989. – № 1. – С. 26–69.
5. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 154–163.
6. Ливергант А. Я. Грэм Грин. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 287 с.
7. Мор Т. Утопия. – М.: Изд. АН СССР, 1953. – 302 с.
8. Платон. Государство. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
9. Свифт Дж. Путешествия Лемюэля Гулливера. – СПб.: Вита Нова, 2005. – 582 с.
10. Франзен Дж. Дальний остров. – М.: АСТ; CORPUS, 2014. – 480 с.
11. Чанцев А. В. Фабрика антиутопии: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 86. – С. 269–301.
12. Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
13. Шишкина С. Г. Истоки и трансформация жанра литературной антиутопии в XX веке. – Иваново: Ивановский гос. химико-технологический ун-т, 2009. – 230 с.
14. Aldridge, A. The Scientific World-View in Dystopia. – Ann Arbor: UMI Research Press, 1978. – 97 p.
15. Booker, M. K. The Dystopian Impulse in Modern Literature: Fictions as Social Criticism. – Westport, Conn.; London: Greenwood Press, 1994. – 197 p.
16. Claeys, G. Dystopia: A Natural History: A Study of Modern Despotism, its Antecedents, and its Literary Diffractions. – Oxford: Oxford UP, 2017. – 556 p.
17. Featherstone, M. Planet Utopia: Utopia, Dystopia, and Globalization. – London; New York: Routledge, 2017. – 249 p.
18. Jacoby, R. Picture Imperfect: Utopian Thought for an Anti-Utopian Age. – New York: Columbia UP, 2005. – 211 p.
19. Kumor K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. – London: Blackwell Pub., 1991. – 512 p.
20. The Quest for Utopia / Negley, G. and Patrick, J. M. (eds.). – College Park, Maryland: McGrath Publ. Company, 1952. – 599 p.
21. Utopia / Dystopia: Conditions of Historical Possibility / M. D. Gordin, H. Tilley & G. Prakash (eds.). – Princeton & Oxford: Oxford UP, 2010. – 293 p.

References

1. Berdiaev, N. A. (1995). *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moskva: Respublika. 383 p. (In Russian).
2. Defo, D. (1935). *Robinson Kruso* [Robinson Crusoe]. Vol. 1–2. Leningrad; Moskva: Academia. 775 p. (In Russian).
3. Zhid, A. (2002). Traktat o Nartsisse (Teoria simvola) [A Treatise about Narcissus (The Theory of the Symbol)]. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collections in 7 vols.] Vol. 1. pp. 27–38. (In Russian).
4. Zverev, A. M. (1989). “Kogda prob"et poslednii chas...” (Antiutopia. XX vek) [“When the Final Hour Strikes...” (Anti-Utopia. 20th Century)]. *Voprosy literatury* [Literature Problems]. No 1. pp. 26–69. (In Russian).
5. Lanin, B. A. (1993). Anatomija literaturnoi antiutopii [The Anatomy of the Literary Anti-Utopia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and the Modernity]. No 5. pp. 154–163. (In Russian).

6. Livergant, A. Ya. (2017). *Grem Grin* [Graham Greene]. Moskva: Molodaya gvardiya. 287 p. (In Russian).
7. Mor, T. (1953). *Utopiya* [Utopia]. Moskva: Izdatel'stvo. AN SSSR. 302 p. (In Russian).
8. Platon (2015). *Gosudarstvo* [The State]. Moskva: Akademicheskij proekt. 398 p. (In Russian).
9. Swift, D. (2005). *Puteshestvija Lemuelia Gullivera* [Gulliver's Travels]. Sankt-Peterburg: Vita Nova. 582 p. (In Russian).
10. Franzen, D. (2014) *Dal'nij ostrov* [Farther Away]. Moskva: AST; CORPUS. 480 p. (In Russian).
11. Chantsev, A. V. (2007). Fabrika antiutopii: Distopicheskie diskurs v rossiiskoi literature serediny 2000-kh [The Factory of Anti-Utopia: The Dystopian Discourse in Russian Mid-2000s Literature]. *Novoe literaturnoe obozrenije* [The New Literary Review]. No. 4. pp. 269–301. (In Russian).
12. Shatskii, E. (1990). *Utopia i traditsiya* [Utopia and Tradition]. Moskva: Progress. 456 p. (In Russian).
13. Shishkina, S. G. (2009). *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoi antiutopii v XX veke* [Sources and Transformations of the Literary Anti-Utopia Genre in the 20th Century]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi khimiko-technologicheskii universitet. 230 p. (In Russian).
14. Aldridge, A. (1978). *The Scientific World-View in Dystopia*. Ann Arbor: UMI Research Press. 97 p.
15. Booker, M. K. (1994). *The Dystopian Impulse in Modern Literature: Fictions as Social Criticism*. Westport, Conn.; London: Greenwood Press. 197 p.
16. Claey's, G. (2017). *Dystopia: A Natural History: A Study of Modern Despotism, its Antecedents, and its Literary Diffractions*. Oxford: Oxford UP. 556 p.
17. Featherstone, M. (2017). *Planet Utopia: Utopia, Dystopia, and Globalization*. London; New York: Routledge. 249 p.
18. Jacoby, R. (2005). *Picture Imperfect: Utopian Thought for an Anti-Utopian Age*. New York: Columbia UP. 211 p.
19. Kumor, K. (1991). *Utopia and Anti-Utopia in Modern Times*. London: Blackwell Pub. 512 p.
20. The Quest for Utopia. (1952) / Negley, G. and Patrick, J. M. (eds.). College Park, Maryland: McGrath Publ. Company. 599 p.
21. Utopia / Dystopia: Conditions of Historical Possibility (2010) / M.D. Gordin, H. Tilley, & G. Prakash (eds.). Princeton & Oxford: Oxford UP. 293 p.

Об авторе

Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2281-4059, e-mail: ord55@mail.ru

About the author

Olga R. Demidova, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2281-4059, e-mail: ord55@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.07.2020

Received: 10 July 2020

Принята к публикации: 24.08.2020

Accepted: 24 August 2020

Опубликована: 14.09.2020

Published: 14 September 2020